

6 июля 1977 года

у нас на гастролях

# ЧТОБЫ ПРОДОЛЖИЛАСЬ ТРАДИЦИЯ...

**Н**АСТОЯЩИЙ театрал не пройдет равнодушно мимо афиш, извещающих о гастролях Киевского русского драматического театра имени Леси Украинки: пробудятся в душе воспоминания о давних встречах или — по крайней мере — вспомнится читанное и слышанное. Ведь театр этот долгие годы принадлежал к числу самых сильных, творчески неутомимых, ищущих. Его возглавляли замечательные режиссеры К. Хохлов и В. Нелли, ему отдали свой труд и талант выдающиеся мастера русской сцены М. Романов и Ю. Лавров, в нем работала целая плеяда прекрасных актеров. С Ленинградом театр связан накрепко: последние годы жизни К. Хохлов руководил Большим драматическим театром имени Горького, на ленинградской сцене начинали свой путь многие корифеи киевского театра, а сегодня на сцене БДТ играют те, кто начинал в Киеве. — К. Лавров, О. Борисов. Отсюда наш особый интерес к театру.

Из всего разнообразия гастрольной афиши (которое — чего греха таить — отластает чересполосицей) взор прежде всего привлекает «Иванов». Ведь этот театр всегда был славен своими классическими спектаклями: «Живой труп» с М. Романовым в роли Протасова, вошел в историю на тех же правах, что и ленинградская постановка с Н. Симоновым.

Увы! Этот спектакль на чисто опровергает оптимистические прогнозы. Подавляющее большинство персонажей дано мазком грубым, резким, жирным, многие актеры утрируют, карикатурят, преступая границу хорошего вкуса. Да и как упрекать актеров, если режиссер В. Ненашев заставляет в сцене Лебедевых всех гостей мужского пола, как по команде, вскакивать и, выткнув иен, алчущим взором провожать полнос с рюмкой водки, несомый слугой Гаврилой? И уместно ли поминать о вкусе, если Иванов, выстрелив себе в висок (для этого он поднялся на шесть ступеней и очень красиво изогнул руку с револьвером), поворачивается к залу и начинает медленно спускаться, шатаясь и путаясь в кисее свадебного шатра (?!), покуда не подхватывают его с обеих сторон Сашенька и Лебедев, и все они застывают трогательной «живой картиной».

Конечно же, анализируя спектакль, прежде всего нужно говорить о концепции. Но что делать, если нет ее, концепции, или запрятана она столь глубоко, что и не разглядишь?

А ведь обидно — Л. Бакштаев, судя по лучшим сценам, мог бы сыграть Иванова интересно и тонко, и В. Бессараб способен отрешиться от скучной однотонности в роли доктора Львова; и есть истинно чеховская горечь у С. Филимонова — Лебедева и М. Досенко — старого графа.

И это не единственный случай, когда с сожалением отмечаешь, что актерские силы растрачиваются вхолостую, когда о масштабах дарования, творческих возможностях приходится лишь догадываться. Подобное происходит и в спектаклях «Испытание» (режиссер В. Ненашев), «И отлетим с ветрами» (режиссер М. Резникович). Тут пьесы не способны дать актеру творческий импульс. «Испытание» — досадная неудача Г. Бокарева, получившего известность благодаря пьесе «Сталевары», а «И улетим с ветрами» — совсем уж пустая комедия, принадлежащая перу украинского драматурга М. Зарудного.

Именно по этим двум спек-

таклям (плюс «Старомодная комедия» А. Арбузова и много лет назад поставленные «Добряки» Л. Зорина) зрителю и предлагается судить о воплощении темы нашей современности!

И дело не только в уровне избираемых театром современных пьес, но и в том, какое сценическое решение они получают.

Вот что, например, произошло со «Старомодной комедией». Драматург рассказал историю любви, вспыхнувшей между двумя пожилыми людьми. В пьесе оба они — люди сложных судеб и огромной внутренней культуры. И не боясь показаться смешными долгое время удерживает их от того, чтобы соединить свои судьбы.

В спектакле разыгрывается история, разительно не похожая на задуманное драматургом. Расхождения начались с возраста героини, а закончились искажением смысла всей пьесы. На сцене появляется несколько поплекая сорокалетняя особа с довольно пошлыми манерами, одетая вызывающе и безвкусно, которая ищет партнера для курортного романа. Ей приглянулся седой импозантный мужчина с повадками старого холостяка. Она настырно вешается ему на шею.

Сцена на братском кладбище оказывается бестактным привеском к этой истории, не говоря уж о том, что монолог-воспоминания Лидии Васильевны о борьбе с немцами, о сыне, погибшем в боях под Кенигсбергом, актриса произносит поневоле поспешно, — чтобы не дать разрастись законному недоумению в зрительном зале.

В пьесе, рассчитанной на двух исполнителей, актеры могли бы восполняться своим правом «авторства роли», но Н. Подовалова и А. Решетников послушно следуют за режиссером. Мало того, они усугубляют недостатки спектакля приемами игры, которые на сцене такого театра попросту недопустимы: штампованные приспособления, репризная подача текста, иллюстративная жестикуляция. Какой уж тут «второй план», углубленный психологизм или чувство стиля, когда актриса указывает пальцем на все, о чем говорит!

К сожалению, подобные претензии можно адресовать и многим другим актерам.

**М**ЕЖДУ тем в театре сегодня очень сильная труппа. Примером того, как может на этой сцене раскрываться образ советского человека, служит великолепная работа Ю. Мажуги в главной роли спектакля «Генерал Ватутин» по пьесе Л. Дмитерко. Про этот спектакль Б. Эрина газета уже писала.

В «Добряках» Л. Зорина Ю. Мажуга с блеском выступает в совсем ином жанре — сатиры на грани буффонады, и то, что актеру доступен столь широкий диапазон, заставляет еще выше оценить его дарование.

Вообще, чем больше смотришь спектаклей театра, тем больше открываешь для себя интересных актерских индивидуальностей. И среди них еще на одном имени остановиться необходимо.

Ада Роговцева давно завоевала популярность у зрителя. Но как бы хорошо ни знал ее по работам в театре и кино, каждый раз, когда артистка выходит на сцену, невольно испытываешь чувство первооткрытия, потому что создания актрисы — и это совершенно очевидно — всякий раз рождаются на наших глазах.

Поразительное сочетание зрелого мастерства и трепета дебютантки — не в этом ли секрет безоговорочной власти А. Роговцевой над зрительным залом?

Высота требований, которые мы предъявляем к театру, обусловлена не только традициями этого коллектива, но и уровнем лучших спектаклей гастрольного репертуара.

В постановке пьесы «Как важно быть серьезным» режиссер М. Резникович и почти все актеры демонстрируют тонкое чувство стиля и жанровых особенностей драматургии О. Уайльда. В особенности это касается А. Роговцевой (Сесили), Б. Вознюка (Алджернон), Н. Батуриной (леди Брекнелл) и Г. Кишко (каноник Чезюбл). Немалую помощь создателям спектакля оказало изысканно ироничное оформление ленинградского художника И. Иванова, вполне отвечающее парадоксальной манере драматурга: роспись на стенах лондонского особняка хочет выдать себя за реальный пейзаж, реальный пейзаж загородного поместья — походить на роспись.

Лучший из показанных на гастролях спектаклей — «Насмешливое мое счастье» (пьеса Л. Малиюгина по переписке Чехова, режиссер М. Резникович). Действие его происходит на фоне конструкции из плотно оставленных белых березовых стволов, формой своей напоминающей орган (художник Д. Боровский). Центральная часть приоткрывается, будто чуть раздвигаются тяжелые створки ворот, ведущих куда-то в темноту. Оттуда появляются корреспонденты Чехова, будто входя в освещенный круг его внимания. Туда уходит, как в забвение, — так исчезает уехавшая в Париж Лика Мизнинова. А в самом конце уйдет туда сам Чехов, уйдет, как во тьму смерти, и за ним медленно закроются ворота, и зазвучит торжественный орган. На протяжении всего действия В. Езенов (Чехов), А. Роговцева (Лика), С. Филимонов (Горький) и Н. Рушковский (Александр Чехов) сосредоточены на сокровенном смысле слов и поступков своих героев. Драматизм их судеб прочитан актерами как страдание драматизма времени, и это роднит поэтику спектакля с поэтикой чеховских драм.

Но к радости общения с подлинным искусством на этом интересном спектакле примешивается некоторая горечь: ведь он поставлен без малого десяти лет назад. Символическая деталь: обветшавшая за эти годы декорация, созданная выдающимся советским сценографом, укрепленна рейками, наскоро прибитыми к белоствольному органу.

И дело не только в работе постановочной части — оформление ряда спектаклей крайне банально, лишено образного начала. (Это относится прежде всего к «Добрякам», «И отлетим с ветрами», оформленным художником Л. Альшином). А ведь театр на протяжении многих лет славится высокой сценографической культурой, история его связана с такими выдающимися художниками, как М. Уманский и Д. Боровский.

Несколько лет назад к наименованию театра добавилось слово «академический». Заслуженная высокая честь. Следует лишь крепко помнить, что это не только справедливое признание былых заслуг, но и критерий, которому театр должен соответствовать всегда.

**В. САХНОВСКИЙ-ПАНКЕЕВ,**  
доктор искусствоведения,  
профессор,  
Т. ЖАКОВСКИЙ